

Сказочные были старое в новом

А.В. Амфитеатров

Александр Валентинович Амфитеатров

Иван Купало (Старое в новом (1904))

Рассказы и статьи, собранные в книжке «Сказочные были», все уже были напечатаны в разных периодических изданиях последних пяти лет и воспроизводятся здесь без перемены или с самыми незначительными редакционными изменениями.

Относительно серии статей «Старое в новом», печатавшейся ранее в «С.-Петербургских ведомостях» (за исключением статьи «Вербы на Западе», помещённой в «Новом времени»), я должен предупредить, что очерки эти — компилятивного характера и представляют собою подготовительный материал к книге «Призраки язычества», о которой я упоминал в предисловии к своей «Святочной книжке» на 1902 год. Поэтому прошу видеть в них не более, как эклектическую попытку изложить в лёгкой форме некоторые старинные народные верования и, отчасти, известнейшие мифологические воззрения на них. Дальнейших претензий, в настоящем своём виде, статьи эти не имеют.

Из остального содержания книги, рассказы «Наполеондер» и «Сибирская легенда» были первоначально

напечатаны в «СПб. ведомостях», «Землетрясение» в «Историческом вестнике», «Морская сказка» и «История одного сумасшествия» в «России», «Не всякого жалей» в «Приазовском крае».

Иван Купало

Школ мифологических много. Но, несмотря на принципиальную разность своих опорных точек, едва ли не все они сходятся в мнении, что народный русский праздник Ивана Купалы, справляемый нашим отечеством повсеместно, «от финских хладных скал до пламенной Колхиды», 23-го июня, в канун церковного праздника Рождества Иоанна Крестителя, представляет всю совокупностью своих обычаев и обрядов «культурное переживание» древле-языческого торжества в честь летнего солнцестояния, то есть середины лета, самых долгих и тёплых дней в году и затем поворота солнца на осень. Так как праздник таинственной ночи 23–24 июня существует у всех народов арийского происхождения, а отчасти и у семитов, то сказанное вековое значение Купалы легко выясняется, даже помимо исторических указаний и мифологических соображений, простым сравнением названий торжества, в разных землях, у разных племён. Здесь достаточно будет привести самое типическое из них, шведское: *midsomer*, — буквально, середина лета. Вадим Пассек делал попытку перевести

подобным же образом и наше русское наименование Купалы. Слово копа, говорит он, обозначает в иных случаях половину; по-малороссийски копа — полтина, т. е. половина рубля, коповик — полтинник; а от копы до Купала переход близкий. Филологическая нагрузка эта — не без остроумия и, во всяком случае не более невероятна, чем другие, с которыми придётся мне познакомить читателя ниже.

Излишне распространяться о тесной связи арийских религий с годовым кругом солнца: она общеизвестна. Календарь арийского язычества — полная история солнечного года. Древний Рим чествовал рождение солнца, смерть его, воскресение, оба годовые равноденствия, — и зимнее, и летнее. Около 273 г. император Аврелиан специальным эдиктом узаконил старинный праздник зимнего солнцестояния, совершавшийся 25-го декабря (VIII Kal. jan.) в связи с чествованием Мифры, под именем *Dies Natalis Solis invicti*, Рождество непобедимого Солнца. Шесть месяцев спустя, 23-го июня, европейский мир, целиком укладывавшийся тогда в пределы Римской импе-

рии, торжествовал день полной возмужалости солнца, так сказать, его совершеннолетие. Реформируя языческий календарь, победоносная христианская церковь сочла полезным удержать оба дня в своём обиходе. Свершилось это заимствование в IV веке, в лоне западной церкви, — без всякого, сколько-нибудь достоверного исторического основания, зато с полной символическою последовательностью. Торжество рождения зримого солнца, с которого начинали расти дни и сокращаться ночи заменилось Рождеством Солнца Правды, причём католический тропарь праздника сохранил даже древнюю метафору о новом солнце: *Sol novus oritur!* Торжество летнего равноденствия, с которого начинали сокращаться дни и расти ночи, было посвящено Иоанну Крестителю, в силу буквального смысла его собственных слов в евангельском тексте: «Ему расти, а мне умяляться». (Э. Б. Тейлор, «Первобытная культура»). В сообщённой Ф. И. Буслаевым повести XVII века «О девицах смоленских, како игры творили» мы находим описание купальского праздника в высшей степени любопытное по наивному

смешению языческого элемента с христианским. «Было от города Смоленска за 30 вёрст по Черниговской дороге — случилось быть на великом поле бесстыдному беснованию. Множество дев и жён стеклись на бесовское сборище, нелепое и скверное, в ночь, в которую родился Пресветлое Солнце — великий Иоанн Креститель, первый покаянию проповедник, его же ради вся тварь неизречённо возрадовалась. А эти окаянные бесом научены были». Автор повести простодушно не заметил, как, восставая на обряд идольский, он целиком взял именно из обряда этого эпитет «пресветлого солнца», составляющий главную суть языческого праздника, и — ничтоже сумняшеся — приложил к христианскому святому.

Чтобы свободнее распоряжаться с мифологическим материалом, имеющимся по вопросу о Купале, я сперва устраняю из него легенды и предания христианского происхождения, как не основные, но лишь применённые к первоначальному мифу, позднее наносные. Прежде всего, к христианскому влиянию, конечно, относится присоединение к «Купалу» имени «Иван», неразрывно с ним во

всех русских краях связанного; останавливаться на этом имени опять-таки нечего, ибо его достаточно уясняет соседство солнечного праздника с рождеством Крестителя. В Малороссии набожные люди уверяют, что Купалу празднуют в память Иродиады, — как она усекла главу Иоанна Крестителя, бросила её в воду и пела:

*Купала на Ивана!
Купався Иван,
Та в воду упав!
Купала на Ивана!*

Иродиаду зовут они злою черепицею, а празднующих Купалу её последователями и угодниками. Толкователи-эвгемеристы, в стремлениях подыскать мифу непременно историческое объяснение, желали видеть в водных и огненных обрядах Ивановой ночи воспоминание о крушении язычества на Руси, когда пали кумиры, и Владимир велел иные разбить, иные передать огню, а Перуна и в Киеве, и в Новгороде бросил в воду. Пассек, в увлечении такою теориею, ставит даже гипотезу: не есть ли несчастная Ганна, о ком уныло поют некоторые малороссийские купаль-

ные песни, Ганна, «приехавшая из-за Дуная», — Анна, жена князя Владимира, греческая царевна, свидетельница разрушения идолопоклонства и введения христианской религии? Привожу эту ссылку, разумеется, лишь как курьёз. С помощью эвгемерической теории, в области народных мифов можно доказать какие угодно фантастические сближения, указания и намёки. Отчего, например, не утверждать, даже и такую нелепость, что 23-е июня празднуется народом в память Агриппины Младшей, матери Нерона? Как ни дико, а доказать возможно... День этот посвящён церковью памяти св. Агриппины: сближение имён. В простонародье день св. Агриппины слывёт под названием Аграфены-Купальницы: не ясный ли этот намёк на знаменитое покушение против Агриппины, когда Нерон хотел утопить свою родительницу в Неаполитанском заливе, но только выкупал? И, если мы вспомним, что в купальские обряды входит обыкновение топить в реке женскую куклу, то эвгемерическая аллегория готова! Как дважды два четыре доказано, что Аграфена-Купальница была римская императрица,

популярность которой достигла, даже через восемнадцать веков, до полтавских хохлов и заставила их ежегодно оплакивать трагическую судьбу её. А затем, — поглядим с читателем друг другу в глаза и рассмеёмся, как авгуры!

Отрицая эвгемерические преувеличения, тем не менее нельзя не признать, что некоторый намёк на христианское крещение сохранился в суевериях Ивановой ночи. В Новгородской губернии купальский праздник называется Кокуем. Вероятно, название это имело когда-то большое распространение, так как и в Новгородской губернии, и в других местностях России и в Сибири разбросаны многочисленные селения и урочища, носящие имя Кокуя. Так как купальский костёр у финнов, также справляющих Иванову ночь, называется Кокко, то Снегирев выводил Кокуй из этого — финского речения. Откуда бы ни было заимствовано название, характерно, что в местном говоре тех же губерний, где оно распространено, например в Костромской, — кокай и кока обозначают крёстного отца и мать. Взаимодействие в воображении

древнего славянина идей о Купале и о Крестителе, который «купал» во Иордане приходивших к нему покаянников, несомненно помогло празднику дойти из глубочайшей древности языческой через многие христианские века до нашего времени. Сосуд для обряда крещения, по-русски именуется купелью, т. е. в чём купают; а Евангелие зовёт купельями также пруды и целебные источники: Овчая купель, купель Силоманская. Креститель стал Купалой, по той же ассоциации идей, по той же многозначительной мифологической игре слов, по которой русский мужик начинает сеять хлеб на Бориса и Глеба (2 мая), собирает мак на Макавеев (1 августа) и не работает в день обновления Цареграда (11 мая) из опасения чтобы царь-град, за непочтение к его празднику, не выбил посеянного на полях хлеба. Такие сближения испытывает не один наш, но и католический календарь. Запад считает патроном стрелков св. Себастиана, потому что он был расстрелян стрелами, св. Вита — целителем сумасшествия и нервной болезни, носящей его имя, и чтит св. Фиакра, чьё имя, с XVII века, носят извозчичьи экипа-

жи, поставленные под его покровительство. Что касается до исторических указаний и легенд о столкновении, якобы, христианства с культом Купалы, то, в огромном большинстве, они — позднейшего происхождения и должны быть отнесены к разряду тех мифов, которые Тейлор называет философскими, то есть созданных искусственно, по гадательному предположению, с целью объяснить имя, поверье, событие, что за давностью времени или по скудости сведений о них, утратили значение, обесмыслились. В Переяславле Залесском есть древняя икона Владимирской Божией Матери, слывающая в народе Купальницею. Легенда объясняет это название нижеследующим мифом искусственного книжного происхождения. В Переяславле народ поклоняется, будто бы, идолу Купалу. Когда Владимир внёс христианскую веру, переяславцы хотели всё-таки продолжать своё языческое поклонение. Но Владимир прислал к ним икону Пресвятой Богоматери и тем удалил их от кумира. Потому и празднуют ей накануне того дня, как праздновали Купалу.

Расставшись с христианскими наслоения-

ми и воздействиями на праздник Купалы, мы погружаемся, так сказать, в пучину неизвестности, неопределённых догадок и предположений. Мы не можем даже утверждать с полной достоверностью, какой смысл, в точности, содержит в себе самое имя Купалы. Одни считают Купалу забытым божеством, другие — парюю божеств, третьи — прозвищем божества, четвёртые — его идолом, пятые — именем праздника и т. д. «Купало», гласит Густинская летопись, «яко же мною, бяше богъ обилія якоже у еллинъ Цересь, ему же безумными за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу-бъсу еще и до нынѣ в нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ». Построенное на тексте этом предположение Карамзина, что Купало был у предков наших самостоятельным членом их тёмного Олимпа — «богом земных плодов», в настоящее время отвергнуто. Ф. И. Буслаев филологическим путём достиг вывода, что Купало есть то же самое вакхическое божество солнечного света, тепла, урожая, плотской любви, которое предки наши чествовали под именем Ярилы, чей

яркий, роскошный культ так красиво передал А. Н. Островский в прелестной своей «Снегурочке». Буслаев производит Купалу не от глагола купать, как делают Н. И. Костомаров, В. Целль и вслед за ними новейший исследователь старорусских солнечных мифов, М. Е. Соколов, но непосредственно от корня куп, совмещающего в себе те же понятия, что и корни яр и буй. Во-первых, говорит он, куп имеет значение белого, ярого, а также буйного, в смысле роскошно-растущего, откуда в нашем языке употребительны: купавый — белый, купава — белый цветок, купавка — цветочная почка; отсюда же кипеть, кипень — в значении белой накипи и вообще белизны: бел, как кипень. Во-вторых, в санскрите *kur* — блистать, яриться, гневаться, горячиться, страстно желать, похотеть, откуда латинское *curio*. В соображении всех этих данных, а также летописных сказаний о сладострастном характере игрищ купальских, однородных с ярилиными, можно не без основательности предположить в Купале второе прозвище Ярилы; последний же тоже, сам по себе, не бог, но лишь ласкательное, шутовское имя бо-

жества. Приведу кстати и другие филологические объяснения Купалы. Выводят слово это от польского купа, а русского — копна, куча хвороста, зажигаемого в ночь на 24 июня. Выводят от копанья кореньев и кладов. Выводят от индийского Купала, что значит покаянник, и даже от греко-финикийской Кибелы, матери богов. На меня лично, признаюсь, все эти выводы производят впечатление натяжек, в роде той, что в известном анекдоте помогла профессору сравнительного языковедения произвести немецкую лисицу Fuchs от греческой αλορηx. Отбрось а, говорит он, останется лорех, отбрось l — останется орех, отбрось о — будет — рех... Рех-рiх-рах-рох-рих и очень просто получается Fuchs! Костомаровское мнение, — Купало, потому что купает или сам купается, — в немудрствующей лукаво простоте своей кажется, по здравому смыслу, много ближе к истине. У вотяков купал значит праздник: тулш — купал, кереметь — купал и т. п. Даль предполагает, что вотяки сошлись в этом слове лишь случайным созвучием, но вернее будет предположить, что вотяцкий руссизм заимствован дикарями при коло-

низации края и представляет собою перенос представления об одном русском празднике, наиболее поразившим воображение туземцев, на все праздники вообще.

Прозвище ли божества, название ли праздника, Купало, — в сущности говоря, вопрос интересный лишь науке для науки: поэтому я в рассмотрение его входить не буду. Для нас важно рассмотреть остатки древнего стихийного культа, сгруппированные около этого солнечного праздника, а отнюдь не утраченный из памяти людской внешний импульс к нему. Остатками сказанного культа являются в Иванову ночь — обычай купальских огней, искание кладов и целебных трав, вера в возможность близкого общения со злыми духами и умершими, обряд купанья в росе или в ручьях лесных и речках и в некоторых местностях заключительный аккорд торжества: обыкновение топить идола Купалы, именуемого также где Мареною, а где Кукушкою. Последнее название вторично сближает Купалу с Кукуем, а, следовательно, и с идеей крещения. Быть может, не лишнее припомнить при этом и обряд крещения кукушки, справляе-

мый во многих местностях как великорусских и малорусских, так и в других землях во время майских русалий в семик. В Румынии праздник Кукушек чествуется, приблизительно, около Купалина дня. Девушки уединяются в рощи и проводят там время до глубокой ночи в беседе с кукушками, поют им песни, состоящие большею частью из разных вопросов, и по ответам вещей крылатых гадают о будущем. По свидетельству старинной польской хроники Прокоша, в кукушке чествовалась богиня Жива, т. е. дающая жизнь, почему голос её и по сие время принимается народным поверьем за предвещание стольких лет жизни, сколько раз крикнет птица. «Думали, что высочайший владыка вселенной превращался в кукушку и сам предвещал продолжение жизни; поэтому убиение кукушки вменялось в преступление и преследовалось от правительства уголовным наказанием». Воплощение солнечного божества в кукушку знакомо не одним славянам: о нём говорят и Гесиод и Гомер; Зевс превратился в кукушку, чтобы обольстить Геру. По всей вероятности, посвящение кукушки верховному божеству, т. е.

солнцу, было сделано инстинктом народным по той примете, что птица эта кричит с ранней весны, т. е. с первой победы солнца над зимою, до равноденствия, т. е. до возмужалости солнца, — следовательно, в самый блистательный период его деятельности, — и перестаёт кричать, когда солнце совершив перевал через середину лета, склоняется на осеннюю убыль. «Не кукуется кукушке за Петров день!» А другая народная примета говорит, что «кукушка ржаным колосом давится», т. е. перестаёт петь, когда выколосится и зацветёт рожь, что в нашей великорусской полосе приходится на последние числа мая или, при позднем тепле, на начало июня. Чтобы покончить с кукуем и кукушками, отмечу ещё и следующее. По «Толковому Словарю» Даля, прямое значение слова кокуй — кокошник: народный головной убор русских женщин, в виде опахала или округлого щита вокруг головы; это лёгонький веер из толстой бумаги, пришитый к шапочке или волоснику. «Вот тебе кокуй, с ним и ликуй!» говорят новобрачной молодой. Нет ничего невероятного, что в седой старине кокуй был не постоянным, но

обрядовым, праздничным головным убором Купалиной ночи, подобно тому, как хохлушки, на этот случай, наряжаются и сейчас ещё в огромные венки, закрывающие лицо почти до половины. Полукруглый, лучеобразный кокуй мог надеваться в честь празднуемого солнца, которое, кстати, и само, по русскому поверью, рассказанному Сахаровым, в день Ивана Купалы выезжает на небо в колеснице, запряжённой серебряным, золотым и алмазным конями, одетое в праздничный сарафан и кокошник. Не противоречит такому предположению и вышеприведённая поговорка — формула обращения к новобрачным. День Купалы, как и все весенние и летние праздники, день любовного парования, — один из тех, когда, по негодованию летописцев, безбрачные славяне «собирались на игры у водных источников, между сел; тут они играли, плясали, занимались вообще бесовскими потехами и отсюда уводили себе в жёны — с какою кто сладился». Шекспир в «Сне в летнюю ночь» и Островский в «Снегурочке» поэтизировали этот вольный брак доисторической Европы. Покрытие уже головы почти

у всех народов обозначало приглашение к браку и плотскому общению, чтобы, затем, отличать женщину от девственницы, начиная ещё от жриц Астарты и библейской Фамари.

Основываясь на том, что в поверьях народных и песнях Купальских имя Купалы встречается и в мужской, и в женской форме, всё равно, как сказки изображают нам солнце то мужчиною, то женщиною, то царевичем, то царевною, — иные мифологи советуют разделять купальское торжество на два празднества или, вернее сказать, на два момента в одном празднестве. Первый посвящён женскому божеству — Купале, в христианстве слившемуся с Аграфеной Купальницею и чествованием Владимирской Иконы Божией Матери, второй — Купалу, в христианстве соединённому с Иоанном Предтечею. При этом, оба имени признаются за несобственные имена, т. е. за эпитеты весны и солнца, заимствованные из обычая купания в реках, источниках и росах. По-сербски, купало прямо значит купальня. Что купанье было заключительным обрядом ритуала Ивановой ночи, свидетель-

ствует среди десятков указаний, между прочим, и Стоглав: «И егда мимо ноць ходитъ, тогда отходятъ къ рѣкѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсни и умываются водою». Обычай мыться купальскою росою распространён и за пределы славянского мира. Вот как проходит Иванова ночь в Италии, близ Генуи: накануне дети и девушки собирают дрова и, сложивши их у церкви, зажигают костры, пекут лук и едят его, для предохранения себя на целый год от лихорадки, поют и пляшут. А на рассвете в самый Иванов день, раздевшись, катаются по росе, для излечения некоторых болезней, и потом идут собирать целебные цветы, травы и какой-то цветок, с которым можно делать чудеса. То же самое, за исключением печёного лука, и в Дании, и в Бельгии, и в Англии. Если мы вспомним, что, по представлению дикаря, роса не поднимается паром из земли, но падает с неба, а небо в этот день в особенности свято, благодаря празднику солнца, то естественно верить тому же дикарю, что частица святой силы переливается и в нисходящую на землю росу, а через неё передаётся полевым цветам и травам.

Древнерусские травники и лечебники рекомендуют ночь на Ивана-Купала лучшим временем для сбора целебных трав, цветов и корней; они только тогда-де и оказывают действительную помощь, когда будут сорваны в Иванову ночь, или на утренней заре Иванова дня — прежде чем обсохнет на них роса. Так что первоначальная чудотворность лекарственных зелий приписывается не им самим, но небесному, т. е. солнечному благословению в покрывающей их росе. По уклонении от такого представления, — когда ариец забыл и об «амрите» браманов, каплющей с ветвей предвечного небесного дерева мифологии индусской, и о ручьях у корня небесного ясения Игдразиля мифологии скандинавской, и о амброзии эллинской мифологии, и о живой и мёртвой воде славянских сказок — о всех этих символах животворящей и плодотворящей небесной влаги, — возникло суеверие, что чудеса творить не роса уже, но особые соки и силы, зреющие в растениях только в эту достопамятную ночь. Возникли сказания о таинственных цветах и травах, распускающихся и растущих лишь под чарами Купалы. Та-

кова перелёт-трава, дарующая способность по произволу переноситься за тридевять земель в тридесятое царство; цвет её сияет радужными красками и ночью в полёте своём он кажется падучею звёздочкою. Таковы спрыг-трава, разрыв-трава, расковник сербов, Springwurzeln немцев, sferracavallo итальянцев, разбивающие самые крепкие замки и запоры. Такова плакун-трава, гроза ведьм, бевсов, привидений, растущая на «обидящем месте», т. е... - где была пролита неповинная кровь, и равносильные ей чертополох, прострел-трава и одолень-трава (белая купава, нимфея). Таков объединяющий в себе силы всех этих трав жар-цвет, огненный цвет, — цветок папоротника: самый популярный из мифов Ивановой ночи.

При всей осторожности, с какою надо принимать остроумные, но слишком односторонние изыскания главного представителя стихийной школы в русской мифологической науке А. Н. Афанасьева, при всей заведомой слабости его сводить каждый миф, каждый обряд, каждую легенду к излюбленному им «перуническому» культу бога-громовника,

нельзя не признать его объяснение генерации сказочных цветов в фантазии народной весьма находчивым и правдоподобным. Повесть о цветке папоротника, по мнению Афанасьева, возникло из поэтической метафоры, которою предки наши изображали тучу — деревом, а молнию — цветом её. Записанная П. В. Киреевским сказка о Правде и Кривде заставляет чертёнка похваляться: «Я напустил семьдесят чертенят на одну царскую дочь; они сосут ей груди каждую ночь. А вылечит её тот, кто сорвёт жар-цвет! — Это такой цвет, который когда цветёт — море колыхается, а ночь бывает яснее дня; черти его боятся». Но — едва развернётся дивный цветок во всей своей красе, как тотчас же увядает; лепестки его осыпаются и бывают расхватаны нечистыми духами. Если присоединить к этим подробностям суеверные описания разрыв-травы, разрушающей ворота замков, двери подземелий, твердыни скал, — нельзя не согласиться, что тогда из трёх приведённых отрывков слагается весьма подробно красивое поэтическое изображение громового удара, разрывающего тучи яркою молниею. Ку-

пальные травы дают человеку, умевшему ими овладеть, всевидение, способность быть невидимкою, прозирать клады в недрах земли, победоносно гнать от себя демонов и т. и. — всё те же качества, что приписываются грому и молнии. По немецкому поверью, золото в земле зарождается от громовых ударов. То же самое поверье Андрей Печерский (П. И. Мельников) записал на Ветлуге. У хорватов жар-цвет папоротника прямо называется Переново цветие, т. е. Громовый, Перунов цветок. Пассек приводит, с попытками к эвгемерическому объяснению, в высшей степени древнюю, несомненно мистическую песню, распеваемую под ночь Купалы в Малороссии.

*Посию я рожу, поставлю сторо-
жу,*

*Стороною дощик иде, стороною
?(после каждого стиха).*

*Не певна сторожа, выломана ро-
жа.*

*Выйшло на рожу три мисяца яс-
ных,*

*Три мисяца ясных, три молодца
красных.*

?(Следуют имена).

*Выйшло на рожу три зирочки
ясных,
Три зирочки ясных, три дивочки
красных.
?(Следуют имена).
Стороною дощик иде, стороною
Над моею рожею червоною.*

Что это за красная роза, под дождём, сломанная, неустережённая слабым караулом? роза, над которою сияют месяцы — парубки и звёзды — дивчата? Пассек относит песню к судьбам той Ганны, в которой видит он жену Владимира, но песня станет гораздо понятнее, если мы сблизим её с сербскими и червонорусскими сказками о громовой розе:

*Красная роза горела,
Под ней белая девка сидела,
В решете воду носила,
Красную розу гасила, —*

то есть сеяла дождь и тем прекращала грозу... Сербь самый конец света связывают с существованием где-то в преисподней столоственной розы. Корнями своими она связывает страшного зверя: живой огонь. Цвет розы таит в себе молнии и громы. Если бы кто сорвал

цветок, страшная гроза, уничтожила бы землю и всё, что под нею и над нею. Уцелела бы одна роза, но прошло бы два века раньше, чем возле неё выросла новая земля и опять расплодилось людское племя. Эта громовая роза и жар-цвет купальской ночи — близкие родственники. Искатели цветущих папоротников, конечно, и не воображают, что, в сущности, они ищут молнии, свалившейся на землю, под метафорой летающего, «парящего» цветка (папоротник — парить — перо имеют один корень, — таково, по крайней мере, мнение Шафарика). Если мы вспомним, что народ относится с глубоким суеверным почтением к так называемым «громовым стрелкам», дорожит ими, как священными, употребляет их, как лекарство против болезней и дурного глаза, — то пристрастие к, так сказать, окаменевшей, воплощённой в скипевшем песке молнии, объяснит нам, почему славянский дикарь и не считал невозможным, и жаждал захватить во власть свою молнию ещё в действии её, ещё в первой её материализации, «не в плоде, а в цвете». Многие инородцы считают громовые стрелки, дей-

ствительно, стрелами, которыми верховное божество поражает демонов, т. е. приписывают им то же самое действие, как и молниеносному папоротному цветку. Гёте, редкий и проникновенный знаток народных поверий Германии, недаром в финале второй части «Фауста», заставил своего Мефистофеля корчиться под дождём пламенных роз, бросаемых на него ангельским хором.

Перунический элемент, врывающийся в солнечное празднество Купалы, в образе молниеносного цветка, увлёл Афанасьева к предположению, что Купала был столько же праздником грома, сколько солнца. Костры и купанья Ивановой ночи он с страшною натяжкой пытается истолковать, как символ того, что «бог-громовник кипятит (см. выше буславскую лингвистику) в грозовом пламени дождевую воду, купает в её ливнях небо и землю, и тем самым дарует последней силу плодородия». Отсюда является, будто бы, и двойственность праздника Купалы, с его мужским и женским началом. Купало и Купала, это — Перун-оплодотворитель (Ярило) и Лада, богиня просветлённого солнца и летних

гроз, сходятся в супружескую чету и купаются в дождевых потоках, на небесной горе, причём первый потрясает землю громовыми ударами, а вторая растит травы на полях. Всё это Афанасьев выводит из белорусской песенки, которую поют у купальских костров:

*Иван да Марья
На горе купались;
Где Иван купался,
Берег колыхался;
Где Марья купалась —
Трава расстилалась!*

Ни о Перуне, ни о Ладе, как читатель видит, здесь нет ни одного слова. Но так как предполагаемый Перун-Купало смешивается с Иваном Крестителем, а Богородица у сербов часто является в песнях под именем «огняной Марии», «молниеносной» и даже просто «молнии», то этого достаточно для главы русской стихийной школы, чтобы, подставив вместо Ивана и Марии Перуна и Ладу, получить вышеприведённую мифологическую формулу. М. Е. Соколов, с гораздо меньшими усилиями, склоняет читателя к мнению, что двойственность праздника обуславливается вовсе не

вмешательством в него громового культа, но сочетание Купала-солнца с Купалою-богиней весны, тою самою Лялею или Ладою, которую Афанасьеву желательно выдать замуж непременно за Перуна. Так как брачное пиршество богов подаёт людям пример любиться и множиться, то купальские празднества отличались у древних славян ярким вакхическим колоритом, широким, безудержным разгулом. В Малороссии праздник Рождества Предтечи называется даже попросту Иваном Гулящим. Тайна любви богов дала новый оттенок мифу о жар-цвете.

Чарующею силою пурпурного цветка, сорванного в Иванову ночь, Оберон у Шекспира влюбляет Титанию в человека с ослиною головою; волшебный венок из купальских цветов, надетый матерью-Весною на голову Снегурочки, отдаёт «холодное мороза нарождение» во власть страстно любящему её Мизгирю. Чары Купала — чары любви. «Гой еси ты государь сатана! — читаем мы в любовном заговоре 1769 года; — пошли ко мнѣ на помощь рабу своему часть бѣсовъ и дьяволовъ... Купалолака съ огнями горящими и съ пламенемъ

палящимъ и съ ключами кипучими, и чтобъ они шли къ рабицѣ дѣвицѣ и зажигали-бъ они по моему молодецкому слову ея душу и тѣло и буйную голову и т. д.». Таинственный Купалолоака является здесь в полной обстановке Купальской ночи, из мрака которой старинный бог вынырнул уже в звании чѣрта: при палящих огнях, при кипучих ключах. Не особенно трудно предположить, что Купалолоака есть просто испорченное писцом сочетание двух слов Купала Лада.

?

*В заповедном лесу
К рассвету дня сойдутся Берен-
деи.*

*Велим собрать, что есть в мо-
ём народе,*

*Девуц-невест и парней-женихов
И всех зараз союзом неразрыв-
ным*

*Соединим, лишь только солнце
брызнет*

*Румяными лучами по зелёным
Верхам дерев. И пусть тогда со-
льются*

В единый клич привет на встре-

чу солнцу
И брачная торжественная
песнь.

В такой форме подсказало А. Н. Островскому художественное чутьё — часто более проникновенное, чем самое старательное научное исследование — секрет Ярилины, а так как Купало и Ярило едва ли не одно и то же божество, под разными кличками, то читай и Купалина дня. Праздник брачующихся людей и богов: свадьба Плодотворителя-Солнца с Весною, то есть с расцветшею землёю, — Ладюю, Лялею и под какими бы именами ещё она ни встречалась. Тогда и купанье их приобретает вполне ясный смысл, как и утреннее купанье лиц, отпраздновавших священную ночь на лесной гулянке. Это — та предсвадебная и послесвадебная баня, что до сих пор играет столь важную роль в простонародном русском свадебном обряде; у неё свой культ, свои песни, невесту ведут в неё торжественно, с причитаниями, — точь-в-точь, как сопровождают к реке чучело Купалы, Маревы, Русалки или Кукушки. Что обычай свадебной бани приписывается народом и стихийным духам,

прежним божествам своим, видно из поверья о леших. На переходе от весны к лету, в пору быстро набегающих, шумных, красивых гроз, бурных вихрей и наводнений, лесные и водяные духи справляют свои свадьбы, сопровождаемые буйным весельем. Разгулом нечистой силы на брачных пиршествах крестьяне объясняют несчастья от весенних циклонов; водяные ломают мельницы, лешие размётывают овины, клады, валят деревья. Если мужика, при ясном небе, обольёт сильный дождь из налетевшей «шальной» тучки, — что называется, дождь сквозь солнце, грибной дождик, — он склонен думать, что шёл мимо бани, где новобрачный леший парился со своею молодою женою и, рассердясь на прохожего, окатил его водою из шайки, с головы до ног.

То же художественное чутьё помогло Островскому резко отграничить в двойственном празднике Купалы, небесный элемент от земного, мужской от женского, Солнце от Весны-Красны. Купалин день — последний день царства Весны и первый день лета. Весна отбыла свой срок и умирает, а солнце, из плодотворящего супруга её Купала, вступает в но-

вый фазис своего бытия, становится палящим, могучим Ярилою. Древние славяне хоронили Масляницу, Зиму, хоронили русалок, осенью, в знак убыли солнечного тепла и конца лета, хоронили мух, букашек и тараканов, в гробах из репы, свёклы, моркови, — естественно было хоронить и умершую Ладу-Весну, эту своего рода Снегурочку, растаявшую в пламенных объятиях супруга-Солнца. С рассветом дня, женскую куклу Купалы, или зелёное деревцо, служившее её символом, бросают в воду, возвращая весну той стихии, из которой она и вышла два месяца назад, с первыми оттепелями, в апрельском таянии снегов. Утопленная весна не исчезает, она разливается в природе. Это пантеистическое воззрение сказывается во многих песнях, но нигде — с большею ясностью, чем в той же малороссийской Ганне, что, как видели мы раньше, смутило Вадима Пассека на эвгемерические догадки. Песня эта, исполняемая непосредственно после утопления весны, ярко изображает даже последовательность, в какой исчезнувшая богиня проникает поглотившую её природу.

Як пишла Ганна в Дунай по воду
И ступила Ганна на хитку
клатку,
?Ганна моя панна,
?Ягода моя червонная! (припев
после каждых двух стихов)
Кладка свихнулась, Ганна втону-
ла;
Як потопала, тричи зринала.
Не берите, люди, у Дунаи воды —
В Дунаи воды Ганнины слёзы.
Не ловите, люди, у Дунаи шуки,
В Дунаи шуки Ганнины руки.
Не ловите, люди, у Дунаи сомив,
У Дунаи сомы Ганнины ноги.
Не ломайте, люди, по лугам ка-
лины, —
По лугам калина Ганнина краса.
Не рвите, люди, по лугам тер-
ну, —
У лузи терен Ганнины очи.
Не косите, люди, по лугам тра-
вы, —
По лугам трава — Ганнина коса.
?Ганна моя панна,
?Моя ягода червонная!

Название Марены, т. е. богини смерти, странно прилагается в некоторых местно-

стях к женскому божеству Купалина празднества, может быть легко уяснено тем обстоятельством, что в начале весны древние славяне-язычники, действительно, топили чучело Марены, смерти, цепенящей мир зимы; впоследствии, когда, с христианством, и количество стихийных праздников сократилось, и значение их стало затемняться, — сходственность обрядов при проводах умирающей зимы и умирающей весны смешала понятия и заставила перенести на вторую имя первой.

Некоторые, исходя из санскритского «купало» — покаянник, хотят видеть в купалином торжестве древний арийский праздник очищения огнём и водою, свершаемый в Индостане приблизительно в тех же числах июня (Снегирёв). Люди прыгают через костры с тою же очистительною целью, с какою татарские ханы заставляли проходить чрез огонь князей русских, приезжавших в орду на поклон. Это не невероятно, — особенно, если сообразить, что огненное крещение купальским огнём предшествует купанью в росах и реках, только что освящённых нисшествием божественной силы. Чтобы удостоиться купанья в

святой воде, тело должно быть очищено от накопившейся на нём скверны. Это сознание и в христианстве удержалось. Наши паломники в Палестине, исполняя священный обряд купания во Иордане, входят в воду в сорочках считая грехом сквернить воды, омывшие некогда Христа Спасителя нагим телом. Насколько старо такое обыкновение, свидетельствует былина о Ваське Буслаеве. Богатырь, как известно, не веровал ни в чох, — не поверовал он и вещей жене, предостерегавшей его от купанья нагим телом в Иордане-реке. За то и сложил он вскоре свою голову, запнувшись за камень на Фавор-горе.

Наиболее характерный из огненных обрядов, — когда-то, вероятно, повсеместный, а теперь уцелевший лишь у немногих славянских племён и кое-где в Германии, — состоял в скатывании с горы в воду обмазанного смолою и зажжённого колеса: символ, что солнце отныне пойдёт под гору. Символ, действительно, вышедший из глубочайшей, едва ли ещё не ведийской древности. Что солнце в Иванов день ликует на восходе, как именинник, — почти всеобщее славянское поверье;

мы видим его у болгар, поляков, сербов, в Силезии. Русские переносят игру солнца на Петров день. Впрочем, он вместе с Всесвятскою неделею, вообще, в народной мифологии является как бы повторным отголоском Ивана Купалы — с преобладанием, однако, пылкого Ярилина элемента и на этот раз, действительно, пожалуй, с примесью громового культа. В Сербии говорят, что на великий праздник святого Иоанна солнце из уважения к нему троекратно останавливается. По другим поверьям — оно делает три прыжка по небу.

Хотя, чуть ли не с тех пор, как мифология стала интересоваться обрядами, символизирующими радостный праздник купающегося солнца, не перестают раздаваться жалобы любителей старины, что обряды эти умирают и забываются, однако — купальские костры держатся ещё крепко. От Урала до Рейна, от Арарата до финляндских озёр в ночь 23–24 июня, как и тысячу лет тому назад, горят огни, обесмысленные для народного сознания, но священные для привычки народной. В Польше, Богемии, в Силезии, а также, местами, и у нас — в Новгородской губернии Купа-

ло известен под именем Сobotки, т. е. малой субботы, — большая «Собота» чествуется в Великую Субботу под Светлое Христово Воскресение. Сobotка в Карпатах, Судетах и т. д. — великолепнейшая иллюминация в свете: костры пылают на пространстве нескольких сот вёрст, перекликаясь друг с другом своими пламенными языками через большие расстояния, что — по словам старинного описателя — «представляет пленительное зрелище даже и для тех, которые всё ещё бранят народное увеселение, почитая его языческим, хотя простолюдины о том и не думают».